

Иван Трофимов

**Смерть
за перекошенным
горизонтом**

Полуфантастика

Иван Трофимов

**Смерть за перекошенным
горизонтом. Полуфантастика**

«Издательские решения»

Трофимов И.

Смерть за перекошенным горизонтом. Полуфантастика /
И. Трофимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835949-1

Живет в одной из бухт на юго-востоке Камчатки неведанное морское чудовище... А может быть, оно там не живет, а приплывает эпизодически из холодных морских глубин... Но тем не менее, люди в этой бухте пропадают бесследно, а кое-кто все же умудрился выжить после встречи с монстром...

ISBN 978-5-44-835949-1

© Трофимов И.
© Издательские решения

Содержание

Смерть за перекошенным горизонтом	6
Ужас Фальшивой бухты	13
Побег в преисподнюю	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Смерть за перекошенным горизонтом
Полуфантастика
Иван Трофимов

© Иван Трофимов, 2016

ISBN 978-5-4483-5949-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смерть за перекошенным горизонтом

«... сентября днем рыболовный сейнер „Уважительный“ при выходе из бухты Калуга, обнаружил морской бот, который совершал постоянную циркуляцию в непосредственной близости от берега. В бинокль увидели человека, лежащего в боте. Сейнеру с трудом удалось ошвартоваться к маневрирующему боту, человека подняли на борт. Он был без сознания. Пострадавшего доставили в областную больницу».

«... сентября в бухте Фальшивой на восточном побережье Камчатки обнаружен браконьерский стан. По оперативным данным на этом стане занимались браконьерским промыслом жители Петропавловска С., В. и Т. Во время проверки людей на стане обнаружено не было».

Из милицейских сводок.

Для Кулагина берег к югу от Петропавловска был знаком если ни до каждого камня, то уж точно до каждой заметной скалы и бухточки. Два года он возил туристов в эти места, правда, недалеко, самое большее до острова Старичков. Но сам на боте ходил и в Калугу и в Асачу, Ходил в дождь и снег, в туман и шторм, знал, где здесь можно укрыться, где переночевать в безопасном месте. И хотя, казалось, что со временем ничего здесь не меняется – те же берега, скалы, бухты, мели и отмели, но все равно каждый выход был не похож на предыдущий. Море, ветер, волны, небо от рейса к рейсу были разные. От этого и приходилось строить свой маршрут... да и пассажиры были разные. Одни с самого причала начинали пьянствовать, другие сидели перепуганные, как мыши, третьи восторгались каждой птичкой, каждой всплывшей рыбой, другие лезли с расспросами или с советами...

Но все равно, даже, казалось бы, совсем рядом с Петропавловском, всего в двух-трех часах хода уже был другой мир, такой, вроде бы, знакомый и привычный, но иногда совершенно неожиданный и страшный. Причем, более полно это морское пространство понималось именно здесь, на маленьком баркасе, а не с палубы большого судна, где человек существовал в своем привычном окружении вещей и механизмов, только не на земной тверди, а на качающейся водяной поверхности. Но он от этой морской стихии был надежно защищен крепким металлическим корпусом, мощными механизмами, всякой аппаратурой и приборами, которые позволяли безопасно передвигаться и существовать в непривычном для жизни человека пространстве, то есть на воде.

На боте все было по-другому... Вода, океан – вот он рядом, стоит только наклониться за борт и уже можно ощутить холод его прикосновения. Здесь океанская вода никогда не бывала теплой, и даже летом если не сковывала руку ледяным холодом, то уж бодрила прохладой всегда. Никогда в заливе она не поднималась выше 11 градусов Цельсия. Так что даже заниматься дайвингом нужно было в надежном гидрокостюме. А падение за борт могло означать верную смерть. Поэтому Кулагин в первую очередь еще у причала заставлял всех пассажиров надевать спасательные жилеты и всегда строго следил за тем, чтобы никто ни в коем случае его не снимал, хоть и частенько приходилось ругаться по этому поводу особенно с подвыпившими мужчинами.

Туристический бизнес больших барышей не приносил, позволял сводить концы с концами, не более. Приходилось понемногу браконьерить самому, возить на рыбалку браконьерские бригады – владеть ботом было довольно хлопотно.

Вот и сейчас он вез трех бичей в бухту Фальшивую на рыбалку. Бичи загрузились в бот полупьяные, но по снаряжению видно было профессионалов. Кулагин и сам понимал толк в рыбной ловле, видел, что ребята едут не на пикник на природе. Конечно, настроение рыбаки Кулагину испортили здорово. Собирались выйти с рассветом, а вышли только после двенадцати, теперь никак не получалось засветло вернуться в город – до Фальшивой было шесть часов хода. Кулагин даже хотел отказаться от рейса, плюнуть бичам в их бесстыжие, пьяные рожи, но старший удвоил плату. Пришлось согласиться – деньги были как нельзя кстати. Заплатили рыбаки вперед.

Погода была солнечная, теплая. Сентябрь стоял без дождей и морозов. На переходе не возникло никаких сложностей ни с погодой, ни с двигателем: бот потихоньку шлепал шестиузловым ходом, бичи веселились в каюте, вылезая на свет божий выбросить очередную бутылку или помочиться. Их не интересовала красота спокойного моря, разбегающиеся от бота неуклюжие топорки (морские попугаи), стаи уток, пролетающие над самой головой, нерпы и сивучи удивленно смотревшие на тарахтящее и воняющее соляркой сооружение, очень похожее на отдельно плавающий деревянный сортир.

Кулагину такое море нравилось. Под солнечным светом как-то резко выступали краски на береговых скалах: серые, коричневые до красноты, песочные желтые, в иных местах скалы были, как бы, исчерчены широкими и узкими горизонтальными и вертикальными белыми полосами. Зелень тоже радовала глаз многообразием оттенков, и, на удивление, не смотря на середину сентября, желтых, осенних цветов почти не было вовсе.

Бичи выдержали только два часа плавания, потом повалились спать и храпели в три плотки, заглушая тарахтение двигателя.

Прошли остров Старичков. Где-то здесь Кулагин два года назад столкнулся со стаей косаток. Тогда, конечно, он здорово напугался. Обычно косатки не обращали внимания на его баркас, занимались своими делами, гоняли по заливу лосося и сивучей. А тут как-то оказалось, что он на своем корыте вляпался аккурат в стаю этих морских животных, причем некоторые из них размером были больше его утлой посудины (кулагинский бот имел в длину всего девять метров). Косаток было штук восемь, они оказались неожиданно со всех сторон бота и шли примерно тем же курсом, что и он. То справа, то слева, то впереди, то сзади, вдруг, возникали из воды их огромные плавники.

Кулагин тогда в боте был один, шел в бухту Листвиничную за одной компанией, которая собирала там ягоду. Казалось, косатки почему-то заинтересовались его баркасом и не отставали, шли все время рядом. Ему стало довольно жутко, потому что при желании любая из них могла перевернуть его плавсредство, если бы ей это понадобилось.

Косатки всплывали рядом с ботом с громким фырканьем выдувая воздух, а Кулагин со страха лег на пайолы бота, чтобы его не было видно из воды, уж больно жутко было в двух метрах от себя видеть плывущего кита с неизвестными тебе намерениями.

В общем, минут десять – пятнадцать он таким Макаром провалялся на днище бота, пытаясь держать руль как-нибудь относительно прямо (сбавить ход или заглушить двигатель ему было еще страшнее), когда решился аккуратно выглянуть за борт, чтобы увидеть здесь ли еще косатки.

И вот потихоньку поднимая голову из-за борта, Кулагин уперся взглядом в один черный большущий глаз плывущего в полутора метрах от борта баркаса кита. Косатка плыла на левом боку и очень внимательно на него смотрела, она чуть ли ни упиралась в баркас носом. В этот момент для Кулагина время застыло...

Кончилась эта встреча просто и весело (со стороны косаток, у Кулагина тогда свалился с души камень). Кит, который внимательно разглядывал Кулагина, резко перевернулся на живот, шлепнув по воде грудными плавниками, и обдав человека тучей брызг, как-то выпрыгнул из воды, затем нырнул, и вся стая, как по команде ушла куда-то в сторону по своим делам.

...

Кулагин уже несколько раз заходил в Фальшивую, но никак не мог привыкнуть к своеобразию этой бухты. Он не понимал причины зрительного эффекта, который открывался, стоило лишь пройти некую невидимую линию. Вот еще несколько мгновений назад все было нормально, и вдруг... море наклонялось в сторону берега и поднималось сзади. С бота ясно было видно внизу на берегу озеро, из которого вверх, в море текла речка. Это ощущение не проходило и на берегу – то есть, к озеру от моря надо было идти вниз, а обратно – вверх. Вопреки всем законам природы, река из низины текла на возвышенность, а море с возвышенности не стекало вниз. При выходе из бухты все повторялось в обратном порядке.

Кулагин один раз ночевал в бухте, здесь стояло старое, заброшенное зимовье с дырявой крышей и развалившейся печкой, но в котором все же можно было укрыться от дождя и ветра.

Пока выгружались и определялись с ночлегом, стемнело. Похмеленные бичи сразу же отправились рыбачить, а Кулагин лег спать – как-то сразу навалилась усталость, не хотелось ни икры, ни рыбы.

Проснулся он от собственного крика, в холодном поту, с чувством приближающейся опасности. Сразу же схватил карабин, с которым никогда не расставался в подобных походах, прислушался, но все было тихо, только потихоньку журчал прибой, да с речки еле слышно доносились голоса рыбаков. Шел третий час ночи, в окошко, прорехи стен и крыши внутрь зимовья лился яркий лунный свет.

Кулагин вышел из избушки, но и здесь посторонних звуков не услышал. Он внимательно осмотрел берег и тундру, лунный свет позволял все хорошо разглядеть: от берега где-то на километр не было никакой растительности, кроме низкорослой травы и мха, островки кедрача и ольшанника начинались ближе к озеру. Ничего подозрительного видно не было.

Кулагин пошел к рыбакам. Те дело свое знали – уже налопатели несколько мешков красавца-кижуча, рыба также валялась по берегу, мужики ее не обрабатывали, спешили пока шел прилив наловить побольше.

– На кого это ты Витек охотиться собрался? – спросил старший, – Да еще с пушкой такой серьезной?

– Вас пришел охранять, если платить будете! – ответил Виктор.

– Нам охранники без надобности, – ответил старший, – Век бы их не видеть.

Казалось, бояться нечего, но чувство опасности не проходило, немного притупилось и все. Кулагину захотелось срочно отсюда уплыть, не дожидаясь утра. Желание было настолько сильным, что никакие доводы против не принимались. А причины беспокойства Кулагин не видел. Мужики спокойно возились с сетью, шутили, переругивались, а у Кулагина никак не проходило внутреннее напряжение.

За свои тридцать шесть лет жизни, скитаний по морям и лесам, Кулагин сделал вывод, что внутреннее беспокойство никогда не возникает ни от куда, с бухты-барухты. В наличие каких-то потусторонних сил он не особо верил, и здесь должна была быть вполне земная причина, которая заставляла его кричать во сне и гнала из бухты.

Кулагин пошел по прибойке в южную сторону, прошел около километра, но медвежьих следов не увидел. Он вернулся к зимовью и тут только осознал, что на песке не было вообще никаких следов, хотя зверюшек по берегам бухты водилось великое множество. Объяснить подобное Кулагин не мог.

Кулагин посмотрел на луну – она была как-то неправдоподобно большая, какой-то неправильной формы, с розовыми пятнами. Он хотел получше рассмотреть пятна, но ничего не вышло – через несколько секунд глаза стали слезиться, и вообще не стало ничего видно.

Ничего не поняв, Кулагин пошел досыпать, но из этого ничего не вышло – сон был тяжелый, на грани бреда, с какими-то жуткими видениями.

Абсолютно разбитый, утром Кулагин еще раз прошелся по прибойке до скал, но следов на песке не увидел никаких.

Мужики на речке шкерили рыбу, Улов был богатый, но они особой радости не выказывали, устали, видимо, да и с похмелья страдали. Он их попытался уговорить вернуться в город.

– Слышь, Шура, – обратился он к старшему, – может домой рванем? Хватит вам этой рыбы!

– Ты че это, Витенька, не выспался? В кои веки удастся порыбачить без боязни, а ты – домой.

Здесь не рыбвода, не ОМОНа, лови – не хочу. Да и рыба прет, как никогда. Будем действовать, как договорились: по погоде приезжай через три дня к обеду. Кулагин взял себе одну рыбину на уху, сел в резиновую лодку и поплыл к боту.

– Не забудь, через три дня! – кричал ему старший.

– Не волнуйся, буду! – ответил он.

Кулагинский бот бодро зашлепал в город

На следующую ночь было полнолуние.

...

Две ночи Кулагин не спал – его мучили кошмары с чудовищами из фильмов ужасов. Причем, все виделось настолько реально, что он ощущал даже прикосновение их холодной, липкой кожи, смрадное дыхание. Сюжеты снов были самые разные, но один страшнее другого. В одном монстр вылезал на берег бухты Фальшивой и пожирал рыбаков. Те от него не убегали, ужас сковал их движения, они даже не могли пошевелиться. Люди и кричать не могли, стояли, замершие, как статуи, с перекошенными от страха лицами, а чудовище заглатывало их одного за другим с противным чавканьем.

Еще день Кулагин не выдержал, он затемно вышел в море, не дождавшись оговоренного срока.

«Если все с ними нормально, – думал он, – переночую в бухте».

В бухте тоже было все, как обычно – опять та же невидимая линия, разделяющая мир на нормальный и перекошенный. Только на этот раз за невидимой линией куда-то пропали птицы.

И тут Кулагину почему-то подумалось, что, наверное, случилось что-то непоправимое, страшное, какая-то тоска сжала сердце, совсем расхотелось выходить на берег.

Но рыбаков забирать было нужно. «А забирать здесь, наверное, уже некого», – с тоской, в ожидании чего-то страшного, подумал Кулагин. Подумал и испугался, Еще острее ему захотелось развернуть бот и выйти из бухты. Но он переборол себя и пошел к берегу.

Возле берега висела звенящая тишь. На всю бухту единственным звуком были шлепки по воде его весел. Кулагина никто не встречал. «Может дрыхнут в избушке?» с надеждой подумал он.

Кулагин вытащил «резинку» подальше от воды, взял карабин, загнал патрон в патронник и осторожно пошел к избушке. Там никого не было. Лежали вещи рыбаков, валялись пустые бутылки, продукты в различных пакетах – ничего не говорило, что сюда нагрянул рыбвод или избушку разорил медведь.

Кулагин пошел к рыбацкому стану.

Он лежал, раскинув руки и ноги, за небольшим холмиком на полпути к речке. Кулагин сразу же присел, готовясь прыгнуть в сторону, выставил для стрельбы с бедра карабин, крутнулся на каблуках, осмотревшись по сторонам. Никого рядом не было и ничего не говорило о присутствии какой-либо опасности. Тишина стояла такая, что он, кроме собственного дыхания, биения сердца и скрипа песка под ногами, ничего не слышал.

Немного успокоившись, Кулагин подошел к человеку, обошел его вокруг. Он лежал на спине, лицо перекосила гримаса ужаса, глаза вылезли из орбит, рот застыл в предсмертном крике. Его одежда была в порядке, Кулагин не заметил на теле ни ран, ни крови.

Виктор не стал более внимательно осматривать тело, пошел дальше к речке.

Здесь все выглядело так, как будто бы люди недавно покинули это место. Но только на первый взгляд. О том, что стан был покинут неожиданно и спешно, говорила сеть с рыбой, болтающаяся вдоль берега, зацепившаяся за корягу, резиновая лодка, валяющаяся на берегу метрах в ста от стана ниже по течению. В трех бочках лежала шкеренная рыба, в трех – нет. Рыба была несвежая, не только что выловленная – это говорило о том, что что-то здесь произошло во вторую ночь. Вот только что произошло? Кулагин пошел в сторону озера. Кроме медведя, бояться здесь было некого, на открытом же пространстве опасность внезапного нападения практически сводилась к нулю. Осторожность следовало соблюдать возле ольшанника.

Возле первых кустов Кулагин остановился, прислушался. Медленно, стараясь бесшумно отодвигать ветки, стал поворачивать налево, двигаясь вдоль излучины реки, и вдруг на противоположном берегу уперся взглядом в человека, который смотрел на него, раздвинув ветки кустов.

Это был один из рыбаков, но Виктор узнал его не сразу. Их разделяло не больше тридцати метров, и Кулагин смог разглядеть, что одежда на нем изодрана, на руках и на теле раны, все лицо измазано грязью и кровью. Но не это испугало Виктора. Взгляд, какой-то нечеловеческий, безумно-враждебный.

Человек несколько секунд пристально разглядывал Кулагина, не узнавая, потом оскалил зубы, захохотал, постепенно отклоняясь назад и запрокидывая голову, и, когда его совсем скрыли кусты, оттуда раздался звериный рев.

Кулагин сразу же бросился на помощь, думая, что человека дерет медведь. Он несколько раз выстрелил в воздух, бросился вброд через речку, не думая о том, что может утонуть. Но когда он добрался до кустов, за которыми он видел человека – там никого не было. Он излазил на карачках все кусты в радиусе тридцати метров, но не нашел ничего, кроме следов резиновых сапог. Следов зверя здесь не было и близко, а следы человека вели в сторону сопки.

Абсолютно ничего не понимая, Кулагин побежал к морю, желая только одного – поскорее отсюда убраться куда подальше. Второй раз рисковать, перебираться вброд через речку он не стал, добежал до резиновой лодки рыбаков и переправился на ней. Его трясло от холодной воды, в сапогах хлюпало, но у Виктора даже мысли не возникло – обсушиться в избушке.

«Скорее из этого проклятого места! Только скорее!»

На берегу моря не было тела мертвого рыбака.

Кулагин даже сразу не понял, что случилось. Он пробежал туда – сюда по берегу на том месте, где еще недавно лежал мертвый – тело исчезло. Безотчетный страх погнал его обратно к озеру. Не было сил бежать. Через несколько шагов он понял, что единственное его спасение – это бот. тот спокойно стоял на якоре в нескольких десятках метров от берега. Кулагин рванулся

к своей резиновой лодке, и в считанные минуты был на борту бота. Быстро завел двигатель, выбрал якорь и пошел из бухты.

Страх захлестывал: казалось, смерть гонится за ним по пятам, неведомая, неизвестная. Кулагин мысленно уговаривал бот: «Быстрее! Ну, быстрее же!» Но тот еле шел, дымя непрогретым двигателем, и Виктору казалось, что он уже из бухты не выберется никогда.

Кулагин все время оглядывался на берег – тот удалялся очень медленно.

Двигатель начал работать более ровно, без перебоев, вот-вот он должен был пройти линию перекошенного горизонта, когда, в очередной раз, оглянувшись назад, Кулагин застыл от ужаса.

В двух – трех метрах от кормы бота перетекала из глубины под корпус чья-то зелено-вато-серая чешуйчатая спина. Она перетекала бесконечно долго, и Виктор даже не мог сообразить, какие же размеры были у этого животного, если за столько времени он не увидел ни головы, ни хвоста. Это был не кит, даже самого большого морского исполина можно было рассмотреть в момент его появления из воды.

«Что это?»

Что-то заскрежетало о днище бота.

«Это все!» – подумал Кулагин, но в этот момент выровнялся горизонт, послышались крики чаек. Последнее, что зафиксировало уходящее сознание Кулагина – рыболовный сейнер с правого борта.

Ужас Фальшивой бухты

«Дура! Зачем только согласилась с Нинкой? Сидела бы сейчас где-нибудь в баре: тепло, сухо... Да лучше на диване целыми днями валяться, чем здесь... – Марина аж тряслась от злости на подругу, – это же надо было оказаться такой дурой, чтобы согласиться на Нинкино предложение? Ну что меня могло здесь ожидать хорошего? Сыро, холодно, спать придется или в этой развалюхе, или на яхте... Ну нет, только не на яхте!

Блин, ну и занесла меня нелегкая к черту на рога.

Плыли целый день, а меня убеждают, что до Петропавловска не больше ста километров...

Чтоб вы все треснули с вашими морскими прогулками!»

Это все Нинка, сучка, затеяла. Ее новый ухажер оказался каким-то капитаном-яхтсменом, ну Нинка и прожужжала девкам все уши: «Ах. яхта! Ах. море! Волны журчат, парус плещется... Тишина, крики чаек...» – ну она и клюнула.

Занятия в институте закончились, все лето предстояло провести в городе – у родителей не было денег для выезда на материк. Да еще с Валеркой поругалась, так что поездки в Паратунку отменялись тоже. Может поэтому Марина и согласилась на уговоры подруги.

Марине показали яхту – настоящую красавицу, беленькую, чистенькую, с какими-то блестяшками повсюду. В каюте, правда, показалось немного тесновато, но ее дружно убедили, что здесь придется находиться всего несколько часов, а потом ей покажут такие красоты, о которых она даже не подозревала. И Марина согласилась. Последним аргументом, склонившим ее к прогулке на яхте было то, что Николай, которого ей сватали в ухажеры, не выглядел слишком нахальным, скорее наоборот.

«Уж от этого-то я смогу отбиться как-нибудь», – подумала она. Николай вел себя очень скромно – он и десятка слов с ней не сказал.

...

Впрочем, сначала все выглядело просто здорово.

Они вышли в море рано утром, и пока шли по бухте, Марина любовалась городом. С моря он выглядел гораздо красивее, чем с берега: никаких тебе грязных, пыльных улиц, помоек и свалок; беленькие домики на фоне буйства летней зелени, игрушечные машинки на дорогах – в общем, здорово.

Но Марина не долго восторгалась морскими пейзажами – только вышли из бухты, и ей стало совсем не до морских красот. За мысом Безымянным накатила зыбь, и начало болтать так, что она вспомнила всех святых. Весь путь до бухты Фальшивой Марина провела на узкой койке, время от времени выползая на палубу, чтобы в очередной раз свеситься за борт.. В общем, переход ей показался сплошным кошмаром, она думала, что это испытание на крепость ее организма не кончится никогда. Марина умоляла своих мучителей вернуться назад, или, в крайнем случае, выбросить ее за борт. Но над ней только смеялись. Нинка с парнями

всю дорогу хлестали шампанское, а Марина никак не могла понять, как вообще можно что-то есть и пить, если желудок то подкатывает к горлу, то опускается до самой задницы. Отчаявшись выпросить у своих мучителей себе какого-нибудь успокоения, Марина отрешенно уставилась в иллюминатор, лежа на животе на жесткой койке, и только тупо фиксировала, как свет за стеклом равномерно затмевали накатывающиеся волны.

Ей потом объяснили, что они шли так долго лишь потому, что ветер дул с каких-то не тех курсовых углов, и им приходилось часто менять галсы (для Марины эти объяснения ничего не значили, так как она не имела ни малейшего понятия ни о галсах, ни о курсовых углах).

На берег Марину вынесли чуть ли не на руках, а когда она ступила на твердую землю, то готова была пасть на нее ниц, прижаться, как к родной и зареветь во весь голос от жалости к себе и злости на веселых попутчиков.

Конечно, не укачайся она так сильно, может и выглядело бы все по другому. Но Марина уже не могла объективно воспринимать действительность. Она лишь механически зафиксировала, что почему-то, вопреки всем земным законам, река течет из озера в море снизу вверх. В другое время Марина, наверное, придала бы этому феномену большее значения.

Парни пошли на речку рыбачить, а девушки занялись приготовлением ужина.

– Ну как тебе Николай? – спросила Нина

– Ты что смеешься? Меня до сих пор качает, я не знаю, где у меня сейчас находится желудок, а ты – нравится – не нравится.

Я уже сейчас думаю с ужасом, как мы будем возвращаться в город.

Другой дороги отсюда нет?

– Нет, дорогая! разве что вертолетом!

– О Господи! Опять этот кошмар!

– Да ладно тебе! Это первый раз все плохо.

– А ты что не первый?

– Нет, конечно, мы и раньше за ворота выходили.

– Что ж ты мне не сказала?

– Не хотела пугать.

Марина нахмурилась. По всему выходила, что подруга ее надула, умолчав о своих походах в море.

– И что, тебе тоже было так плохо, как и мне?

– Плохо – не то слово. Я блевала так, что не успевала выбежать наверх, чуть ни захлебнулась. Только мы быстро вернулись.

– Ох, меня и сейчас качает, – посетовала Марина.

Девушки приготовили все необходимое для ухи и пошли на речку. Марина мало понимала в рыбалке, но, видимо, то, что делали их кавалеры, не совсем согласовывалось с процессом добычи рыбы. Девушки с удивлением обнаружили, что главное составляющее ухи – рыба, пока отсутствует, а рыбаки, матерясь, возятся с сеткой. Они были злые, мокрые и несколько растерянные.

Марина на рыбалке никогда не была и представление о ней имела только из фильмов и рассказов отца. И везде рыбаки работали в водонепроницаемой робе и болотных сапогах, а не в кроссовках и джинсах.

– Ну, где же рыба, Игорь? – Нина удивленно смотрела на молодых людей.

– Где, где... в речке, – Игорь явно хотел сказать матерное слово, но, видимо, постеснялся. Они с Николаем разбирали сеть, искоса поглядывая на девушек.

Молодые люди распутали сетку, потом Игорь взял в руки один ее конец и, сильно размахнувшись, бросил в воду. Сетка перехлестнулась и упала комом в двух метрах от берега. Парни снова стали ее распутывать.

– Я вообще-то не знаю, – сказала Марина, – но мне кажется, что один конец сетки все-таки заводят на лодке, – она немного помолчала и добавила: – Папа так говорил.

Игорь с Николаем переглянулись... и пошли за резиновой лодкой.

Через полчаса у них уже было целых пять горбушин, две из которых оказались самками. К ужину приготовили икру-пятиминутку.

Спать все-таки Марина решила на яхте. В бухте волн не было, море стояло абсолютно спокойное, так что дневного кошмара, по-видимому, не ожидалось. Здесь из двух зол Марина решила выбрать меньшее, тем более, что ей предоставили это право – в покосившейся избушке провести ночь ей хотелось еще меньше, чем на яхте. На яхту они отправились с Николаем, Нина с Игорем, забрали два спальных мешка и немного продуктов, остались в избушке.

Марина немного отошла от дневных переживаний, но все равно существующее положение вещей немного раздражало. Во-первых, не было туалета. Ладно на берегу, они просили ребят отвернуться, так как поблизости не было ни единого укрытия, где бы мог спрятаться человек на корточках, конечно, кроме избушки. На яхте же, как объяснила Нина, все приходилось делать или свесившись в немыслимо-неудобной позе за борт, рискуя свалиться в море, или в специальное ведро, прося всех присутствующих отвернуться. И то и другое было крайне неудобно. Во-вторых, на яхте не было душевой, и умываться приходилось из допотопного умывальника, и к тому же, был ограниченный запас пресной воды. В-третьих, приходилось спать в одежде. В-четвертых, койка была слишком узкой, и на ней одной-то спать неудобно, а вдвоем... У Николая был не взгляд, а сплошное ожидание.

«Господи, да как он думает только об этом? Мне до сих пор плохо и тошнит, только глаза закрою...»

Николай подождал на палубе пока она улеглась, спустился в каюту, сел на соседнюю койку, взял ее за руку...

Он, все-таки был неплохим парнем, и не хотелось его обижать резким отказом.

– Извини, Коля, но я очень устала и хочу спать.

Он вздохнул обреченно, отпустил руку, нагнулся и поцеловал ее в нос.

– Спокойной ночи, Маринка, – сказал он, лег на койку и отвернулся к переборке.

Марина фыркнула, тоже отвернулась, но сразу заснуть не могла, мешали вздохи Николая.

Она проснулась неожиданно, с удивлением прислушиваясь к тому, что могло ее разбудить. Никаких звуков, кроме сопения Николая слышно не было. Она полежала некоторое время с открытыми глазами: в иллюминатор лился лунный свет, яхту не качало, казалось даже, что она находится не в каюте хлипкого суденышка, а где-нибудь на твердой земле.

Марина вылезла на палубу (именно вылезла, слово «вышла» было бы применить не совсем правильно, так как приходилось все время пригибаться, чтобы ни за что не зацепиться и не удариться). Удивило неподвижно застывшее море и полное отсутствие ветра. Вода казалась студнем: не морщинки, не рябинки – ровная гладь. Также почему-то не было чаек... и других птиц.

«Странно, где же им быть, как ни здесь? В городе чайки даже ворон с помоек повыгоняли. А здесь их почему-то нет», – вокруг стояла оглушающая тишина.

Над бухтой висела огромная белая луна, какой-то неправильной формы, покрытая темными и розовыми пятнами. Марина никогда раньше не видела такой луны, в городе она была маленькая, кругленькая, гладкая и уютная. Здесь же ночное светило нависало над скалами каким-то раскаленным, ущербленным шаром. Что-то жуткое было и в самой луне, и в картине, высвечиваемой ею. Видно, конечно, было не так, как днем, но довольно далеко и отчетливо.

По вершинам скал, с двух сторон обрамляющих бухту, светились какие-то белые полосы, создавая впечатление подсветки с противоположной стороны. Низина освещалась менее интенсивно, но все равно просматривалась до самого озера.

Тишина стояла такая, что звенело в ушах, на всю округу Марина слышала только свое дыхание и сопение Николая в каюте. Казалось, воздух перестал проводить звуки, и яхта находилась под каким-то звуконепроницаемым колпаком.

Ей, вдруг, стало до такой степени жутко, что зашевелились волосы на голове

«Господи, что со мной?» – Марина никак не могла понять, отчего возник этот животный страх. К желудку подкатила слабость, неудержимо захотелось в туалет.

Конечно, трахаться в полуразвалившейся избушке было не так удобно, как на двуспальной кровати: отсутствие привычной обстановки несколько отвлекало от самого процесса и задерживало приход оргазма. Ну и как здесь можно было до конца отдаться страсти, если в спину через спальник упиралось, что-то узкое и твердое, а не укрытые ноги замерзали. Кроме того, с потолка на голову и лицо время от времени сыпался песок, а в сознании мешала сосредоточиться на сексе мысль, что она сейчас грязная, немытая, и потом помыться будет негде. В общем, не любовь, а сплошная борьба с собой.

Все получилось только с третьего раза, и Нина заснула счастливая, забыв о переживаниях по поводу несоблюдения личной гигиены.

Игорь застегнул девушку в спальнике, она благодарно ему улыбнулась, но ее глаза, казалось, закрылись сами. Игорь вышел из избушки.

...

Сначала он подумал, что восходит солнце. Глянул на часы – они показывали час ночи. За скалами на восточной стороне бухты появился какой-то мощный источник света, который резко обозначил зазубренные пики на темном небе.

Недоумевая, Игорь долго смотрел в том направлении, никак не мог понять – откуда этот свет. Где – то через полчаса только над скалами показался верхний край луны. Однако Игорь не сразу сообразил, что это. Там поднималась огромная, светящаяся масса, ничуть не напоминающая тот безобидный маленький блин, который привычен всем. Приплюснутая рефракцией луна расплылась чуть ли ни на весь горизонт, подсвечивала скалы, обрамляющие бухту, создавала картину сказочного кощева царства.

Еще через полчаса луна, казалось, с трудом оторвалась от горизонта и повисла в воздухе. Размеры ее, конечно, уменьшились, но Боже, что это было за светило! Очертания луны постоянно менялись, но она все равно была больше солнца, а от долгого осмотра светила голова стала кружиться, а в глазах начало темнеть.

Игорь глянул на часы – больше часа он уже наблюдал за лунными метаморфозами, на душе было какое-то беспокойство. Он решил пройтись по берегу, отвлечься.

Видно было кругом почти как днем, только свет от луны лился какой-то мертвенно-бледный. Из-за этого света на небе почти не наблюдалось звезд – они виднелись в западной стороне, но их было очень мало.

Игорь шел, посвистывая, оглядываясь по сторонам, пытаясь сообразить, что же кроме луны, еще здесь необычного. Ничего не приходило в голову. И, вдруг... стоп!

Он внимательно посмотрел на поверхность воды.

«Странно, обычно здесь ночует много чаек?»

Они всегда белыми поплавками качались на воде, как-то квакая потихоньку спросонья.

Сейчас чаек не было, и вода отливала каким-то маслянистым цветом, казалась не водой, а чем-то более тяжелым и густым.

Игорь потрогал рукой воду, лизнул мокрый палец – нет, ничего необычного, обыкновенная морская вода.

Он пошел дальше, но развязался шнурок на кроссовке. Игорь наклонился, чтобы завязать шнурок... и тут, вдруг, мгновенно стало темно, и все его тело сковал какой-то столбняк. Не понимая, что случилось, он вскочил на ноги, обернулся к бухте...

Последнее, что увидел в своей жизни Игорь Гаранский, двадцати восьми лет от роду – это огромную, чешуйчатую, переливающуюся зеленовато-серым цветом гору, выросшую прямо из воды, и бездонную, летящую на него пасть. Темнота закрыла для него все.

Нина проснулась поздно, солнце уже вовсю освещало скудную обстановку избушки через разбитое окно и многочисленные щели. Игоря не было, на соседнем топчане валялся разобраный спальник. Она встала, побежала к речке, умылась, вернулась в избушку свежая и веселая.

«Куда же Игорь пропал? – подумала Нина, – Здесь скрыться то негде? Может на яхту за чем-нибудь уплыл?»

Она посмотрела на море – резиновая лодка болталась привязанная к яхте. Значит, сам он уплыть не мог. Может, позвал Николая? А как? Если бы кричал, то было бы слышно?

В душу заползала тревога. Она еще раз прошла к речке, вернулась к избушке, осмотрелась – Игоря не было.

И тут ее, как током пронзила мысль: «Ведь Игорь так любит порядок, как же он мог уйти и не убрать спальник?»

Впрочем, тут же возникли сомнения: «Может, меня не хотел тревожить?»

«Где он?» – Нина ничего не могла понять. Она пошла по берегу на юг.

Нина увидела ее метрах в пятидесяти от избушки, сначала не обратила внимания – она валялась у самой воды. Потом что-то как стукнуло в мозг, она вернулась, подняла кроссовку, ничего не понимая, осмотрелась по сторонам, тихо позвала:

– Игорь?

Кругом стояла ясная, звенящая тишь. До Нины постепенно стало доходить то, что Игорь в одной кроссовке никуда далеко уйти не мог. И следы, ясные и четкие на мокром песке, обрывались именно там, где она нашла кроссовку.

«Боже! Что это? Куда мог деться Игорь?» – по телу девушки поползли колючие мурашки страха, стали плохо слушаться руки и ноги, Воспринимая все, как в замедленном кино, она с отвращением отпихнула от себя кроссовку, ее крик, казалось, не вырвался наружу, а провалился куда-то внутрь.

Она побежала, но ее движение ей самой воспринимались, как замедленные длинные прыжки с долгими-долгими полетами и мгновенными, болезненными приземлениями. Во время касания ног с землей от удара сотрясалось все тело, клацали зубы, в ушах что-то лопалось, сопровождаясь оглушительным звоном. В это время слышала она только то, что происходило внутри ее организма: то есть тяжелое дыхание, учащенное сердцебиение и звон в ушах. Свой собственный пронзительный, страшный крик (кричать она начала сразу же, как побежала) она не слышала вовсе. Она также не видела куда бежит. То есть, может быть, и видела, но не ощущала увиденного, не воспринимала его. По-видимому, организм вел девушку, как бы на автопилоте.

Это с одной стороны у нее наблюдалось какое-то полное отключение от реальности, а с другой – она видела себя, как бы, со стороны и даже могла критически воспринимать увиденное: «Неужели это я скачу, как кенгуру, с широко открытым ртом и выпученными, как у рака глазами. Красавица, ничего не скажешь...»

Она бежала, казалось, бесконечно долго, на самом деле прошло всего лишь несколько секунд, как она оттолкнула от себя кроссовку. Возле избушки девушка пришла в себя, и уже не просто кричала от испуга, а целенаправленно стала звать Марину и Николая. Но она, опять же, видела себя со стороны медленно поднимающей и опускающей руки и беззвучно открывающей рот.

«Что это?» – Марина первая услышала какие-то посторонние звуки.

– А-а-а-а... – тянулось бесконечно долго с небольшими интервалами.

Марина вылезла на палубу – на берегу Нина прыгала и махала руками. Ее истеричные вопли плотно заполнили все пространство над бухтой.

Марина крикнула в каюту:

– Коля, Коль, вставай скорее! Там что-то случилось.

Только они вышли из «резинки» на берег, как Нина тут же бросилась Марине на грудь, зарыдала, всхлипывая и заикаясь.

– Нина, Ниночка, что случилось?

Нина никак не могла успокоиться, ее всю сотрясала нервная дрожь.

– Нина! – Марина с трудом оторвала от своей груди ее голову, Ну что, что случилось? Где Игорь?

– В-в-в... – губы у нее дрожали, глаза были закрыты, она не могла произнести ни слова.

Николай прошел в избушку, вернулся к девушкам:

– Ничего не пойму, где Игорь?

При его словах Нина еще крепче прижалась к Марине, больно уцепив за грудь.

– Куда Игорь делся? – опять спросил Николай.

Нина махнула рукой в сторону, откуда недавно прибежала. Николай прошел туда, и через некоторое время вернулся, неся в руках кроссовку Игоря.

– Марин, ты что-нибудь понимаешь? Куда он мог деться в одной кроссовке?

Минут пятнадцать они вдвоем успокаивали Нину, прежде, чем услышали от нее внятный рассказ о случившемся.

Они долго сидели на берегу, анализировали сложившуюся ситуацию, прикидывали и так и эдак, но толкового объяснения тому, куда мог бесследно исчезнуть здоровый, молодой мужчина, найти никак не могли. Здесь было что-то не так, что-то находящееся за пределами человеческого восприятия. Осознав это, все, не стовариваясь, решили быстренько отсюда убираться.

– Ты посиди здесь, – сказала Марина подруге, – успокойся, а мы заберем вещи в избушке.

В избушке Николай начал суетливо засовывать в мешки все, как ни попадя:

– Давай побыстрее, здесь что-то не чисто!

Марину не надо было уговаривать – она собирала вещи, совала их не глядя в мешки, лишь бы быстрее покинуть это жуткое место.

«Господи! – думала она чуть ни плача, – И ведь чего б ни вернуться было! Ведь как свыше меня кто предупредил!»

Они находились в избушке всего несколько минут. Вышли, нагруженные мешками... Нина, скрючившись, лежала на боку на песке в том месте, где они ее оставили.

– Нина, Ниночка... – слова застряли у Марины в горле, перехватило дыхание... Она осторожно коснулась плеча подруги, повернула ее к себе лицом... На Марину смотрели выпученные от ужаса, стеклянные глаза, рот застыл в страшном оскале...

Они бежали вместе, ничего не замечая вокруг, кроме себя, своего страха, слыша только свое прерывистое дыхание, видя перед собой не далее десятка метров. они даже друг – друга не видели. Сознание сковал леденящий ужас, гнал их вперед, они очень долго бежали не останавливаясь, слыша только удары собственных сердец.

Первой остановилась Марина. Она мгновенно рухнула на мокрую траву, глубоко со всхлипом вдыхала воздух, никак не могла отдышаться. Николай не намного ее опередил, в страхе он побежал вместе с рюкзаком и спальником, с которыми вышел из избушки, и ему бежать, конечно, было несравнимо тяжелее, чем Марине, которая бежала налегке. Он еще некоторое время бежал один, но, вдруг, понял, что что-то изменилось в окружающей обстановке. Он на бегу повертел головой по сторонам, понял, что его обеспокоило – не стало рядом Марины. Она лежала, уткнувшись лицом в низкорослую траву в десятке метрах сзади. Николай вернулся к девушке, тронул ее за плечо:

– Марина!

Она только как-то сжалась, но позы не изменила. Николай повернул ее к себе лицом, глаза у девушки оставались закрытыми, и из ни текли слезы, оставляя чистые бороздки на запачканных щеках.

Они еще долго сидели, приходя в себя от пережитого, не понимая, что произошло и откуда взялся этот страх, затмивший сознание и погнавший их в тундру, к сопкам, дальше от берега.

Марина все еще видела скрюченное тело подруги, никак не воспринималось ее мгновенная трансформация из перепуганной, потерянной, но живой девушки в неподвижное, мертвое тело.

Что могло произойти в те несколько минут, пока они с Николаем находились в избушке? Куда пропал Игорь? Что им сейчас делать?

Николай и Марина уже спокойным шагом дошли до озера. До города по прямой было не больше ста километров, а вот сколько по нехоженным болотам и сопкам – не известно. Решили переночевать на берегу озера, а утром думать, что делать дальше. Продуктов в рюкзаке оказалось немного: две банки тушенки, килограмм сахара, банка сгущенки и буханка хлеба. Все остальное осталось на яхте. Оба думали, что этого запаса вряд ли хватит на переход до Петропавловска (они не знали, что до поселка Термального от Фальшивой всего двое суток пути). Они устроились на берегу озера, и пока Николай разводил костер и обустроивал, по возможности, лагерь, Марина залезла в спальный мешок, пытаясь согреться и унять противную дрожь во всем теле.

– Я полежу немного, хорошо, Коля? – она заснула сразу же после сказанного последнего слова, почувствовав, как приятное тепло разливается по телу.

Проснулась она перед заходом солнца, Николай сидел у костра, он улыбнулся ей, спросил:

– Ну как, успокоилась?

Марина не знала, что отвечать. Конечно, тот ужас, который она чувствовала несколько часов назад, прошел, но до полного успокоения было ой как далеко.

– Сейчас немного легче, – ответила она, и продолжила без всякого перехода: – Что же с нами будет, Коль?

– Я думаю, ничего страшного, – ответил Николай, пытаясь казаться бодрым, – Вставай, ужинать будем.

Они поужинали одной банкой тушенки с хлебом. Потом в этой же банке вскипятили воду и по очереди отхлебывали из нее, разведя сахаром, и заварив какими-то цветочками, – и кружки, и чай остались то ли на яхте, то ли возле избушки. О случившемся не говорили, не строили планы на завтра. Они понимали, что без продуктов они никуда не дойдут, Спать

легли поздно, когда на небе уже высыпали звезды, а из-за береговых скал начала выползать громадная луна.

Марина залезла в спальник, Николай устроился у костра, но через некоторое время она позвала его к себе.

Это случилось как-то неожиданно, какой-то взрыв чувств накрыл их обоих. Все кончилось так быстро, что они даже не успели почувствовать друг-друга. Мужчина и женщина удивленно разглядывали один другого, пытаясь понять, что же произошло, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

– Неужели мы с тобой умрем? – спросила Марина.

– Нет, девочка! Завтра мы уйдем из этой проклятой бухты.

Горячие губы мужчины прикоснулись к ее лицу, шее, мочкам ушей; руки гладили грудь, спину, его пальцы легонько пробежали по внутренней стороне ног. Марина уже не думала ни о страхе за свою жизнь, ни о том, что она вот уже два дня толком не мылась. По телу пробежала сладкая дрожь, сама стала искать его губы, прижиматься к нему телом.

Эта ночь была только их. Сами того не подозревая, они утверждали таким образом торжество жизни над смертью. Их тела слились воедино, и не существовало для двух влюбленных ни темной, холодной ночи, ни страха за свою жизнь, вызванного непонятными событиями предшествующего дня, ни неизвестности, которая ожидала их утром. Они заснули, уставшие от любви, от пережитого, в объятиях друг-друга.

Утром Николай вызвался один сходить на берег бухты за продуктами для перехода в Петропавловск.

– Нет, нет! – всполошилась Марина, – Я одна здесь ни за что не останусь, – она умоляюще смотрела на него, – Пойдем только вместе.

– Глупая! Я же боюсь за тебя! Мало ли что опять случится!

– Пусть лучше с нами двоими случится! Я здесь одна умру от страха.

В бухте все осталось по-прежнему: яхта болталась также на якоре недалеко от берега, и тело Нины, и вещи лежали там, где их оставили, все было тихо и спокойно, и в сознание опять стал заползать липкий страх.

– Марина! – окликнул Николай девушку, застывшую глядя на тело подруги, – Быстро собираем вещи и уматываем отсюда!

– А как же Нина?

– Давай скорее в лодку!

Николай чуть ли ни силком затащил оторопевшую девушку в резиновую лодку, побросал туда вещи, отпихнул ее от берега, на ходу ввалился сам. Они плыли к яхте, казалось, бес-

конечно долго. Марина опять слышала только биение собственного сердца, и, как бы, очень издалека до нее доносились слабые шлепки весел.

На яхте страх немного отпустил, она стала что-то видеть вокруг. Увидев, что Николай опять садится в лодку, девушка схватила его за рукав:

– Ты куда?

– Нину заберу, нельзя ее здесь оставлять.

– Я с тобой!

– Нет! Втроем здесь неудобно.

Пока Николай греб к берегу, пока грузил в лодку тело Нины, пока греб назад – Марина не спускала с него глаз. Когда он уже почти подошел к яхте, судно, вдруг, закачало, и внимание Марины отвлек какой-то посторонний звук, раздавшийся со стороны моря. Источник звука и волн находился метрах в трехстах от яхты в стороне выхода в море – из-под воды вырывались, похоже, какие-то газы, там все клокотало и бурлило.

– Помоги мне! – Николай привязал лодку к борту.

Кое-как вдвоем они затащили тело на яхту, занесли в каюту, положили на койку и прикрыли одеялом. Николай завел двигатель, полез на бак, выбрал якорь. Яхта медленно пошла на выход из бухты.

Марина стояла на руле. Николай спустился в каюту, попытался связаться по рации с кем-нибудь, сообщить о случившемся.

Он вылез растерянный:

– Ничего не понимаю, ни на средних волнах, ни на УКВ никого не слышу.

Яхта еле-еле ползла на водяную гору, которая, казалось, возвышалась перед ними, непрогретый двигатель коптил, чихал, кашлял, работал с перебоями.

– Надень жилет! – Николай сунул ей в руки оранжевую штуковину, сам надел такую же, – Я посмотрю, что там с двигателем.

Марина смотрела вперед, горизонт начал постепенно выравниваться, за невидимой чертой уже стали видны волны, стаи чаек. Но яхта еще шла по застывшей воде бухты, когда сзади что-то стукнуло. Марина обернулась и увидела мелькнувшие за борт ноги Николая. Она бросилась на корму, кинула за борт попавшийся под руку спасательный круг. Круг плавал на поверхности воды, а Николая нигде не было, только из глубины вырывались пузырьки воздуха, что-то булькало и шипело.

Яхта без рулевого стала медленно поворачивать влево. Марина бросилась к штурвалу, выровняла яхту, все время оборачиваясь назад.

«Не мог же он в жилете утонуть!?» – но Николая нигде не было.

Вдруг, в лицо дунул ветер, полетели брызги, яхта запрыгала по волнам, закричали чайки – Марина вырвалась из звукового вакуума и поняла, что с ней уже ничего не случится. Она обрадовалась, но тут же застыдилась своей радости: «Господи, чему радоваться? Нина – мертвая, Игорь с Николаем пропали неизвестно куда...» – по ее лицу потекли слезы.

Яхта вышла за линию скал, и Марина повернула на север, в Петропавловск.

Побег в преисподнюю

Два года ему пришлось прикидываться ягненком, долгих два года. Впрочем, это время было всего лишь седьмой частью его срока – четырнадцати лет. Но из отрицаловки и авторитета переходить в подхалимы было очень нелегко. Однако он выдержал все: злобу и непонимание своих, настороженность и презрение администрации. Эти два года дали ему гораздо тяжелее первого срока, четырех лет. Хотя, конечно, впервые попасть в зону – это испытание, которое не все проходят достойно. Но он все выдержал, не уронил себя среди этих отбросов. Со временем он вполне адаптировался к специфическому, замкнутому миру зоны, а на второй ходке уже чувствовал себя здесь, как дома.

Четыре, три, теперь вот четырнадцать лет. На воле к концу срока не останется никого, кому он был бы нужен. По-хорошему, на волю он мог выйти только в сорок шесть лет, возраст несколько поздноватый для начала новой жизни.

В общем-то, Клин и не собирался начинать новую жизнь, у него были совсем другие планы. После второго срока он попал в компанию одного авторитета, и два года неплохо пожил под его крылышком. Но, видимо, независимость Клина пришлась не по душе его новому покровителю, вот и подставили его по-крупному, подставили мастерски, носа не подточишь. До него только через год где-то дошло, что его лихо обвели вокруг пальца. И ясно было, что за всем этим спектаклем стоял он, его покровитель, ни у кого другого ума бы не хватило на такую аферу.

...

Надо было разобраться с друзьями-кавказцами: никак они не хотели уступать одно уж очень хлебное место. Их уговаривали, и пугали, и киоски их палили, но ничего не помогало – ребята стояли за свое стеной. Договорились о стрелке на самом высоком уровне. Подозревая, что здесь можно довольно крупно погореть, подстраховались довольно плотно. Перед самым выездом у шефа, вдруг, случился приступ почечных коликов: он корчился на диване и ел таблетки чуть ли ни горстями. Пришлось старшим ехать Клину. Насторожиться бы, дураку, от такой милость, так нет, заважничал, почувствовал себя в авторитете. И, конечно, ничего хорошего из этого не получилось.

Кавказцы устроили им западню, но немного недомикитрили, балбесы, с кем дело имеют. Когда вышли из машин (обе стороны приехали на двух авто, так договорились), по ним сразу же ударил «Калашников» со второго этажа недостроенного здания метрах в пятидесяти от места встречи. Ударил не прицельно (видно, далековато было), поэтому и отделались они сравнительно легко – двоих только неопасно ранило. Спрятавшись за машины, они начали стрелять в ответ, но с пистолетами против автомата много не навоеешь, да еще со стороны машин начали стрелять. В общем, дело их было – труба. Однако кавказцы рано праздновали победу. Был у Клина в команде парнишечка, так себе – невысокий, худенький, но то, что он умел делать, наверное, не умел на Камчатке никто. Он с двадцати метров всаживал в доску нож по самую рукоятку, умел стрелять из любого вида стрелкового оружия, из любых положений и знал, наверное, не меньше сотни способов отправки человека на тот свет без применения какого-либо оружия. Мальчик из человеческого тела за полчаса делал кучу запчастей – он повоевал в Чечне.

Парнишечка, понятное дело, остался жив и здоров, потихоньку достал из багажника машины армейский гранатомет «Муха», одной гранаты хватило снайперу, по одной досталось машинам кавказцев. Людей раскидало взрывной волной, но среди них все-таки кто-то остался жив. Не повезло тем ребятам, который приехали на машине прикрытия: никто из них не успел выйти из автомобиля, когда в него попала граната. Когда они уезжали, в горячей машине кто-то страшно орал не по-русски.

Клина взяли этой же ночью, нашли в доме пистолет, а в его «Тойоте» – использованную «Муху».

...

Восемь месяцев в следственном изоляторе он приходил в себя. С воли его поддерживали, наняли хорошего адвоката, все шло к тому, что его отмажут. Но на суде выяснилось, что он идет «за паровоза», и светит ему по самому минимуму лет двенадцать. О худшем же не хотелось и думать.

...

На волю нужно было выходить раньше срока, хотелось плюнуть в глаза этому подонку, прежде чем убить. Ненависть выжигала все внутри, но у пахана руки были очень длинные – он мог достать Клина и в зоне, если бы узнал, что тот замышляет.

Вот и придумал Клину прикинуться овечкой и сбежать. Конечно, Камчатка – не материк, бежать здесь особо некуда. Но у Клина был свой план.

Сжав зубы, мыкался Клину в раскаянке, ждал подходящего момента. И этот момент пришел на третьем году отсидки. Понадобилось администрации колонии прикупить топлива для своих нужд. Кое-кто, наверное, захотел навариться на этом, вот они и стали искать ходы, где бы купить подешевле, а по документам было бы подороже.

Клину и намекнул кое-кому, что, мол, остались старые связи. Вот и отправили его и еще одного «активиста» под присмотром отрядного капитана в Петропавловск на переговоры.

Капитана упоили через час после приезда в город, он уснул, забыв, что на службе и при оружии.

– Что делать то будем? – спросил Волоха у Клина. Он был не местный, но наплел операм, что тоже имеет здесь связи. Сидеть ему предстояло еще три года.

– Что, неохота в зону? – ответил вопросом Клину.

– Кому охота то? На воле лучше. Вот только не знаю я здесь никого. Дома бы проблем не было, – Волоха был родом из Хабаровска.

– Потому и отпустили нас так запросто, что с Камчатки сбежать очень трудно, – сказал Клину и после небольшой паузы добавил: – Практически невозможно.

Да и срок у тебя небольшой – три года... Тьфу! – Клин сплюнул с досады, – Чего судьбу гневить? За побег еще два припаяют, будет пять.

– Есть у меня причины, Клин, на волю раньше срока рваться.

– Какие, если не секрет?

– А если скажу, возьмешь с собой?

– С чего это ты взял, что я тебя должен куда-то брать? Отгуляем денька два – три, да и вернемся в зону, скажем не получилось ничего.

– Не вернешься ты никуда. Пацаны, что поумней, ни на грамм не поверили, что ты перепитался. Слава Богу, тебя здесь знают. Это только менты-балбесы могли поверить, что такой волчара, как ты, в раскаянку подался. Народ не проведешь.

Волоха прилично захмелел. Они пили на хате знакомого клиновского бича, к себе в квартиру Клин идти побоялся, а здесь посланцев пахана можно было не ждать по крайней мере день-два (а больше Клину и не надо было).

Волоха перегнулся через стол и громко зашептал, косясь на храпящего на облезлом диване капитана:

Присматриваются к тебе, Клин кое-какие люди. Не по душе им твое поведение, ох, не по душе. Не только в зоне тебе не верят.

– А ты-то откуда знаешь?

Волоха пьяно хохотнул, откинулся на стуле, выпалил:

– От верблюда.

Это, конечно, он сказал зря. Вся злоба, которую Клин сдерживал долгие годы, выплеснулась наружу, и наполовину опорожненная бутылка водки, как снаряд, полетела в голову Волохе. Да дрогнула, видимо рука в последнее мгновение, только скользнула по Волохиному уху бутылка и разбилась о стену.

У Волохи лицо моментально стало серым, несколько секунд он не мог сказать ни слова, только открывал и закрывал рот. Потом выдохнул:

– Ты, ты чего это? Ты же убить меня мог!

Клин жалел о своей несдержанности, но вида не подал, крутил в пальцах сигарету, спросил безразлично:

– Так что у тебя за причины такие, серьезные, из-за которых три года ждать нельзя?

– Ф-ф-ух, напугал ты меня.

Я-то тебя не знаю. Да, видимо, правы были мужики – волчарой ты был, волчарой и остался.

Клин опять недобро глянул на Волоху.

– Ладно, ладно. У меня проблемы, наверное, посерьезней твоих будут. Должок за мной, крупный должок. Так вот, если я через полгода эти проклятые деньги не верну, то мою жену и деток порешат. Я, конечно, не живу с этой стервой, и если бы о ней шла речь – так и черт бы с ней. Но сыночка и доченьку жалко: не виноваты они, что их родитель мудака последний.

А деньги у меня есть, много денег, со всеми долгами рассчитаться хватит. Вот только проблема – один я знаю, где они лежат.

Чего же здесь сложного, не пойму, – удивился Клин, – отпиши кредиторам, что да где, вот и не будет долга.

Волоха немного замялся:

Да, понимаешь... не найдут они без меня тех денег. Да и... больше там гораздо, чем я должен.

– Ну тогда ясно, – усмехнулся Клин, – А моя какая доля там будет?

Волоха глянул на него с удивлением:

– Какая доля?

– Ну да! Я что тебя бесплатно из зоны вытаскивать буду? Никогда не страдал альтруизмом.

– Чем – чем?

– Тем самым. Сколько получится на двадцать пять процентов?

– М-да, хват ты, конечно. Достаточно выйдет.

– Это не ответ.

– Полтинник.

– Зеленых?

– Да.

– По рукам! Только расходы – пополам.

– И большие расходы?

– Не очень. Я думаю, в червонец уложимся.

– Ни хрена себе. Мы что, самолет нанимать будем?

– Может и самолет. И вообще, надоел ты мне. Не согласен – добирайся сам.

Волоха задумался, глянул на храпящего на грязном диване капитана, сплюнул:

– Ладно, Клин, говори, что делать будем.

...

Время близилось к вечеру, и впереди у Алексея Клинова была только одна ночь. А дел предстояло немало, в том числе и главное, из-за которого он и стремился на волю, почему и «ссучился» в зоне в глазах шпаны.

«Но это только в глазах шпаны. Серьезные люди в мою раскаянку, оказывается, не поверили ни на секунду. Дай Бог, чтобы его не предупредили о моем выходе на волю... Хотя бы сегодня... Завтра предупреждать будет уже некого.

Я тебя достану, паскуда!»

...

Клин, конечно, не всегда был Клином. Алексей Клинов закончил школу без троек, занимался биатлоном и самбо, поступил в пединститут, и казалось, что все в его жизни будет хорошо. Но, как это часто бывает, он однажды споткнулся, да так, что подняться уже не смог.

На третьем курсе, после какой-то вечеринки шел себе Алексей с товарищем домой, шел никого не трогал. Из темноты вышли четверо, попросили закурить... Дальше понятно. В общем, его товарища похоронили через три дня – он умер в больнице не приходя в сознание от удара ножом в живот. А Алексей после недолгого следствия осудили на четыре года общего режима – двое из четверых нападавших остались инвалидами на всю жизнь.

Второй срок Алексей, уже ставший Клином, получил опять же за драку, и опять же не он ее начинал. Пострадавший, здоровенный бугай, чуть ли ни в лицо ему на суде смеялся. Но это он смеялся зря – через три года этот же самый бугай ползал в ногах у Клина, целовал окровавленным, беззубым ртом его ботинки и умолял о пощаде.

...

Алексей поймал тачку и поехал к себе в гараж. Гаража у него было два: в одном он иногда ставил машину и хранил ненужные в доме вещи (когда была жива мать, она ничего не позволяла выбрасывать и вместе с ним отвозила вещи в гараж). Об этом его гараже знали и блатные и менты. Но у него был еще один гараж на десятом километре за автостанцией. Клин и сам в нем бывал очень редко, и о нем не знала ни одна живая душа.

Здесь много чего хранилось на все случаи жизни, от небольшого запаса оружия («Калашников», десяток гранат, толовые шашки и два пистолета) до разнообразных консервов и рези-

новой лодки с подвесным мотором. Клин постарался предусмотреть здесь запасы на все случаи жизни.

Сначала он собрал два рюкзака для дальнего похода (консервы, миски, кружки, ложки, газовую печку, баллоны, спальники, фонарики и еще много чего, необходимого в лесу). Затем переделался в легкую пуховую куртку, брюки и кроссовки, взял пистолет «ТТ» китайской сборки (разовое оружие киллеров), проверил его – все было в порядке; положил в спортивную сумку двадцать метров веревки с кошкой, пять гранат-«лимонок», шесть толовых шашек, отрезал кусок толстой лески, достал из ящика пиратский сотовый телефон, проверил его – тот нормально работал, нашел в тайнике деньги – двадцать тысяч долларов и тридцать тысяч рублей, рубли распихал по карманам, а доллары засунул обратно в тайник. Нужно было еще сделать пару звонков, и уже вплотную заниматься любимым шефом. Эта ночь должна была стать для него последней.

Клин позвонил прямо из гаража, узнал все, что его интересовало, и затем отправился на охоту.

...

Стояла ранняя камчатская осень – конец сентября. Дождей еще не было, холодов особых тоже, и листва на деревьях желтела как-то незаметно, просто листья постепенно бледнели, теряя зеленые, летние краски.

На автостанции Клин договорился с таксистом – тот за полторы тысячи готов был катать его всю ночь.

Уже начинало смеркаться. Они подъехали на восьмой километр к офису шефа. Его машина и машина охраны стояли на стоянке, в офисе горел свет. Алексей набрал знакомый номер телефона, трубку взял Филя, его голос нельзя было спутать ни с каким другим.

– Да, кого надо?

– Извините, Олю я могу услышать, – спросил Алексей измененным голосом.

– Нет таких, – пробубнили в ответ, раздались гудки.

Алексей отметил про себя, что шеф здесь – без Фили он не выходил даже в туалет. Плохо, конечно, что времени на подготовку было в обрез. Приходилось действовать по обстоятельствам. Алексей, конечно, знал привычки шефа. Но за два года кое-что могло измениться, и, во всяком случае, сегодняшние планы шефа были ему не известны.

Обычно, часов в восемь вечера шеф ехал ужинать в ресторан «Петропавловск» или в «Золотой якорь». Ужин продолжался часа два-три, но мог затянуться и за полночь. Потом шеф ехал домой.

В восемь из офиса вышел Филя, здоровенный детина, бывший штангист. Он взгромоздился на водительское сидение шефовского джипа «Лэнд Крузер» и стал прогревать двигатель. Минут через пять из подъезда вышел охранник, затем шеф и еще два охранника.

«Ого, за это время шеф стал гораздо осмотрительнее, – подумал Клин, – Раньше охранники могли вывалиться гораздо раньше шефа, или наоборот задержаться после его выхода, а сейчас прямо кольцом окружили. Видимо, кто-то его здорово напугал. Уж не я ли? Если это так, то дело плохо».

Шеф сел в джип, два охранника в спортивную «Тойоту», и они поехали в сторону центра.

Клин подождал, пока их машины повернули на светофоре и уже хотел было сказать таксисту, чтобы тот трогал, но тут со стоянки к дороге поползла еще одна машина, по крышу залапанная грязью (где они нашли ее только, уже больше недели не было дождя), и тоже замигала левым поворотом.

«Так – так. Я-то, дурак, обрадовался, что они, как были балбесами, так и остались. Вышли, машину не осмотрели... А тут вон оно что... На хрен ее осматривать каждый раз, если она все время под присмотром.

Хитер ты, братец, и, видимо, уже знаешь, что я где-то рядом. Может взять автомат, да и положить их тут всех?» – Клину попытка представить, как это все будет выглядеть, и ему не понравилось. Мало того, что существовала реальная опасность для собственной жизни, но и не было никакой гарантии, что его пули достанут шефа, – «Ладно, придумаю что-нибудь. Время пока терпит», – автомат Клину решил оставить на самый крайний случай.

Клин хлопнул по плечу задремавшего водителя. Тот встрепенулся:

– Что, поехали?

– Нет, извини старик, но ты мне больше не нужен.

Клин рассчитался с водилой, на автобусе доехал до АЗС, там присмотрелся к стоящим тачкам, ему нужна была машина с тонированными стеклами (первую, наверное, охрана засекала на «восьмом»). Такая стояла в конце очереди – «Марк II», года 1988—1989.

Он подошел к машине:

– Что, командир, покатаемся?

– Иди туда. Не моя очередь.

– Извини, но мне нужен ты. Две тысячи за ночь.

Водила отложил книжку:

– Садись.

Клин влез на заднее сидение:

– Давай к «Золотому якорю».

Однако у этого ресторана бандитского кортежа не было. Проехали к «Петропавловску».

«Вот они, родимые, и джип, и машина охраны, а заляпанный „Тойота Камри Променент“ как бы в стороне. Да, дела хреновые».

Клин хотел элементарно взорвать джип гранатами или толовыми пашками. Но сейчас стало ясно, что подобраться к нему незамеченным не удастся.

«Интересно, сколько их в „Промененте“ сидит? Хорошо бы не больше двух».

Таксист, по просьбе Клина, медленно прополз мимо аэровокзала к «Пико-банку», минут пять там постояли, а потом проехали назад. И с этим таксистом Клину пришлось рассчитаться.

Клин прошел до «Силуэта», где в районе рынка постоянно обитали бродяги и пьяницы этого района. За гонорар в пятьсот рублей на брата трое опустившихся личностей самой отвратительной наружности согласились изобразить настоящую драку. Клин им выдал по сто рублей аванса.

«Вот только не нажрались бы раньше времени», – подумал Алексей.

Уже на третьей тачке Клин подъехал к «Петропавловску» и остановился метрах в десяти от джипа, между ними было две машины. Из салона отлично было видно «Променент» с охраной.

Нужно было спешить, время подходило к десяти.

...

Бичи появились в начале одиннадцатого. Клин к этому времени уже извелся в ожидании – шеф мог выйти в любой момент.

Они вышли из темноты, со стороны «Пико-банка», шли, матерясь во весь голос. Возле «Променента» здоровенный, гнилозубый бич с перебитым носом вдруг толкнул в спину другого, в грязном пальто. Тот свалился прямо под передний бампер машины, завопил истошным голосом. Гнилозубый нагнулся, схватил упавшего за ворот, приподнял его как куклу, пьяно зашипел в лицо:

– Че орешь, сука! Вставай!

Пока гнилозубый стоял согнувшись, на него сверху прыгнул третий бич, они упали, завозились на асфальте, пыхтя и матерясь. Время от времени они стучались о машину различными частями тела.

Казалось, они возились там бесконечно долго, но, наконец, передние двери машины открылись, и из нее вылезли два бритоголовых амбала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.